

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

С. Ф. Орешкова

**ТУРЕЦКИЙ ДОКУМЕНТ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.
О МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ В ЕВРОПЕ
И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ
ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ**

Во внешнеполитической истории Османской империи начало нового этапа развития определяется Карловицкими мирными договорами 1699 г. Именно к этому времени, по выражению Ф. Энгельса, «наступательная сила турок была сломлена»¹. Во внешней политике «единственно подлинно военной державы средневековья»² все чаще и чаще начинают проявляться выжидательная тактика, попытки играть на противоречиях между европейскими державами. Осуществление подобной политики требовало более детального, чем раньше, ознакомления с практикой европейской дипломатии, тем более что и в самой этой практике происходили существенные изменения.

Начало XVIII в., как известно, это период, когда вырабатывались принципы и методы дипломатии, характерные для новой истории. В этот переломный момент Османская империя, хотя еще, бесспорно, сохраняла самостоятельность в осуществлении своей внешней политики, однако все чаще оказывалась втянутой (если не совсем помимо своей воли, то по крайней мере глубже, чем это отвечало собственным целям страны) в орбиту широких международных планов европейской дипломатии, как, например, это было в 1709—1713 гг. В этих условиях в правящих кругах Османской империи, особенно соприкасавшихся с выработкой внешнеполитического курса, все сильнее и сильнее проявлялся интерес к европейским странам, их государственному устройству, принципам взаимоотношений друг с другом. Более частым стал обмен посольствами³. Широкое распространение получили посольские книги (сефарет-наме), которые в последние годы в советской туркологии плодотворно изучались Е. И. Маштаковой, к сожалению историков, лишь как жанровая форма турецкой литературы⁴. В плане идеологического воздействия на турецкое общество эти интересные источники пока

еще не были предметом внимания исследователей. В фундаментальном труде Ф. Р. Уната об османских послых и посольских книгах указано на существование 34 подобных документов, относящихся к XVIII в., 26 из них — о посольствах в европейские страны и 8 — в страны Азии и Африки⁵. Уже это соотношение позволяет сделать предположение, что главное внимание османской дипломатии этого времени было обращено в сторону Европы.

Знаменательным для этого времени является отправленное в 1720 г. Ахмедом III посольство во Францию Мехмеда Челеби Йермисекиза. Посольство пробыло во Франции четыре года и в отличие от многих других турецких посольств не ограничивалось лишь дипломатическими функциями, а знакомилось и с политическим устройством, общественной жизнью, экономическим развитием Франции. Это посольство можно рассматривать как прообраз постоянных посольств, учрежденных Османской империей, как известно, значительно позже⁶. Отчет о посольстве⁷, представленный султану в 1724 г., по определению Э. З. Карала, «явился для османов первым окном, открывшимся на Запад»⁸.

Говоря о месте, которое занимает Османская империя в международных отношениях начала XVIII в., необходимо отметить два момента. Первое: в военном отношении не только в XVI—XVII, но в XVIII в. Турция все еще была сильным и опасным противником европейских держав⁹. Сохраняла она свободу в дипломатической игре и выработке собственного политического курса. Поэтому хотелось бы обратить внимание на неправомерность применения термина «Восточный вопрос» к периоду начала XVIII в., что, к сожалению, встречается в некоторых последних работах советских историков — полонистов и русистов. Очевидно, это связано с некритическим переносом этого термина из европейской литературы, где он зачастую бытует в применении к очень широкому хронологическому периоду. Употребление термина «Восточный вопрос», как и всех подобных условных терминов, требует строгих дефиниций. Как известно, возник он (термин) в 20-х годах XIX в. и затем ретроспективно был распространен на более ранний период. Ф. Энгельс, отмечая, что «всякий раз, когда утихает на время революционный ураган, один и тот же вопрос непременно вновь всплывает на поверхность — это вечный „восточный вопрос“», определял его как «неисчерпаемый источник затруднений: как быть с Турцией?»¹⁰. В середине XIX в. проблема касалась главным образом территорий европейской Турции. Сейчас мы можем говорить более широко о Восточном вопросе как вопросе о нетурецких районах Османской империи того периода, когда судьба этих районов становится объектом не только внутренней турецкой, но и

международной политики. Термин «Восточный вопрос» несет определенную смысловую нагрузку, подразумевает несамостоятельность османского правительства в решении внутрисударственных конфликтов. Подобную ситуацию мы наблюдаем лишь со второй половины XVIII в., но ни в коей мере не в первой половине этого века.

Второй момент: Османская империя хотя и проявляла значительную активность в европейских делах, но в начале XVIII в. не сумела еще воспринять новые принципы, методы, практику европейской дипломатии, а потому, будучи слабо информированной и плохо разбираясь в международной ситуации, оказывалась орудием дипломатической борьбы европейских держав. Для подтверждения этого интересно проследить на конкретном примере практику выработки внешнеполитического курса Османской империи, степень и источники информированности турецких деятелей о международной обстановке. Такую возможность дает документ, хранящийся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (шифр В 2931). На существование этого документа впервые было обращено внимание в 1965 г. в «Описании тюркских рукописей Института народов Азии»¹¹, где указывалось, что ранее сочинение в каталогах других хранилищ не упоминалось и каких-либо сведений о нем авторы «Описания» не имеют. Действительно, этот документ до сих пор не был известен и не привлекал внимания исследователей. Название документа — «Мюбехаса-и Мысри ве Шами ве хюкюмет-и Баб-и Али мюсалаханаме». Предлагаю следующий перевод этого названия: «Дебаты, [происходившие] между Египтом, Сирией и правительством Высокой Порты [по вопросу] о мирном предложении». Речь идет о предложении Австрией посредничества при заключении мира в войне России с Османской империей (а не о договоре, как это сказано в «Описании»). Это объемистая рукопись — 66 листов рукописного текста, написанного четким насхом. Документ не датирован, автор его в тексте и названии не указан. Это одна из тех рукописей, которые поступили в ЛО ИВ АН СССР в 1934 г. в результате работы археографической экспедиции АН СССР в составе В. А. Заборова и С. Г. Вахидова на территории Татарской АССР.

В «Описании тюркских рукописей...» ошибочно указано, что сочинение «представляет собой отчет о совещании представителей Турции, Египта и Сирии по вопросам русско-турецких и австро-турецких отношений в период войны 1711—1713 гг., которую вела Россия в союзе с Австрией, Польшей и Венецией против Турции»¹². О времени переписки сказано: не ранее 1126 г. (1714 г.)¹³. К сожалению, приходится отмечать ошибки исторического характера, имеющиеся в этом описании (война велась между Россией и Турцией, а не теми государствами, которые

указаны выше, даты войны — 1710—1711 гг., Прутский мир относится к 1711 г., а не 1713 г.). Сам же документ относится к более позднему периоду. Прочтение текста позволяет предположить, что данное сочинение могло быть написано не раньше осени 1736 г. и речь в нем идет не о 1711—1713 гг., а о военных действиях, начавшихся в 1735 г. между Россией и Турцией. В то время Османскую империю волновал вопрос о возможном вступлении в войну Австрии, поскольку она имела с Россией оборонительный союз, заключенный в 1726 г. Действенность этого союза была продемонстрирована в войне за польское наследство 1733—1735 гг., когда Россия оказала поддержку Австрии в военных действиях против французских войск. Именно об этих событиях говорится в сочинении: «в прошлом году москвиты послали помощь немцам» (л. 10) и далее: «московская царица против французов помогла цесарю» (л. 23). Из текста явствует, что война между Россией и Османской империей уже была официально объявлена (л. 14), что, как известно, произошло в апреле 1736 г., и русскими был взят Азов (лето 1736 г.) (см. л. 15). Отмечается, что австрийский цесарь предложил свое посредничество в заключении мира между воюющими государствами (л. 19). Такое предложение действительно было сделано. В сентябре 1736 г. в письме великому везиру, которое цитирует турецкий историк И. Х. Узунчаршылы в своей «Османской истории», австрийское правительство сообщало, что вести посреднические переговоры уполномочивался австрийский посланник в Турции М. Тальман. Посланник был приглашен к великому везиру, находившемуся тогда при османской армии в Бабадаге, и передал ему послание австрийского императора, содержащее изложение претензий русских к османцам и предложение разрешить турецко-русский конфликт до наступления зимы; пожелание, чтобы Австрия и Османская империя всегда жили в мире; заверение, что заключенный между Австрией и Россией союз не направлен против какого-либо третьего государства¹⁴. В хронике того времени «Тарих-и Субхи» утверждается, что австрийский представитель предупреждает великого везира: «У нас дружба с османцами, однако поскольку Россия наш союзник в мире и войне, то, случись война, мы с ней должны воевать вместе. Если же османцы будут этим недовольны, то лучше обсудить вопрос о мире»¹⁵. Любопытно, что подобные формулировки об обязанности Австрии принять участие в турецко-русской войне встречаются и в нашем документе (см. лл. 10—10об.). Известно, что за принятие австрийского посредничества горячо ратовал кетхуда (помощник) великого везира Осман Халиса-эфенди. Условием соглашения с Россией османское правительство считало возвращение Азова. Для ведения переговоров с русскими на основании султанского хатт-и хумаюна была

назначена представительная делегация во главе с реис уль-кютабом Мустафой-эфенди.

Однако переговоры эти не состоялись, так как австрийская сторона всячески откладывала их, а в июне 1737 г. неожиданно для османцев начала военные действия против Турции¹⁶.

Исходя из изложенного выше, можно предположить, что документ, о котором идет речь, мог быть составлен в промежуток времени между предложением Австрии о посредничестве (сентябрь 1736 г.) и весной 1737 г., когда была назначена делегация, т. е. состоялось решение султанского правительства о принятии посредничества Австрии и начале мирных переговоров.

По форме сочинение представляет собой протокольную запись беседы трех лиц, о которых сказано, что они являются представителями «мусульманского государства, именуемого Египет», «христианского государства, именуемого Сирия», и Высокой Порты. В начале документа сообщается, что в настоящем году эти лица присутствовали на заседании, являющемся «воплощением правительственной мудрости». Речь шла об отношениях между различными государствами. По обычаю задавали вопросы и получали ответы, в результате чего установили нижеследующее (л. 1). Далее идет запись беседы. Разбирались вопросы, связанные с отношениями Высокого государства (Османской империи) с москвитями и австрийцами.

Представители Египта и Порты высказывали удивление по поводу того, что москвиты и немцы между собой заключили союз, как предполагали направленный против османцев, хотя у тех и других были мирные договоры с Османской империей (л. 2об.). Сложившуюся ситуацию объясняет сириец, заявлявший о себе как знатоке религии христианских народов и обычаев христианских государств (л. 3об.). Он утверждал, что «союзы между правителями христианских государств — это их обычай». Бывают ситуации, когда два государства, враждующие между собой, оба поддерживают дружеские отношения с третьим государством. А это третье может помогать обоим враждующим государствам одинаково (л. 4). Недоумение по этому поводу означает незнание «обычаев государств и политики владык» (л. 4об.). Далее следует бурная дискуссия, в которой представители Порты и Египта, приведя примеры сходных жизненных ситуаций между тремя лицами — Амром, Зейдом и Баксом, доказывали, что раз австрийский цесарь, имея дружбу с османцами, пошел на договор с Москвой, то это следует расценивать как враждебность по отношению к Османской империи (лл. 5—7).

Приведенные выше рассуждения исключительно любопытны и знаменательны. В практике османской внешней политики предшествующего периода не существовало каких-либо двусторон-

них союзов с другими государствами. Мы видели лишь договоры о мире либо так называемые капитуляции, т. е. по форме добровольно пожалованные тем или иным султаном привилегии иностранному государству, срок действия которых ограничивался периодом правления этого султана. Если же и заключались в той или иной форме соглашения о сотрудничестве (в это время обычно под сотрудничеством понималась военная помощь) с другими государствами, то в этом случае речь шла не о взаимных обязательствах государств, а об отношениях типа вассальных. Именно так они воспринимались османскими государственными деятелями, тем более что Османская империя как одна из могущественнейших держав того времени получала зачастую за предоставляемую помощь определенную дань, главным образом в денежной форме. В османских источниках в отдельные периоды как данники империи воспринимались Франция, Священная Римская империя, Польша и др. Сравнительно незадолго до составления исследуемого документа, в 1708 г., разъяснения по этому поводу давал переводчик великого дивана Александр Маврокордато русскому послу П. А. Толстому. В ответ на русский запрос о будто бы заключенном между Турцией и Карлом XII военном союзе А. Маврокордато отвечал, что подобные соглашения не практикуются османским правительством¹⁷. В нашем документе эта мысль подтверждается.

Далее, на совещании разбирались возможные варианты отношений между Османской империей и Австрией в ближайшем будущем. Сирийский представитель наметил три варианта: либо Австрия будет помогать России в войне, либо непосредственно начнет военные действия против османцев, либо попытается установить мир между Россией и Османской империей (л. 17).

Характерно, что, уточняя мысль сирийца, Порта особо отмечала, что в данном случае проблема не ограничивалась двумя вариантами — или мир, или война (л. 17), т. е. принималась во внимание возможность дипломатического решения конфликта. Все участники разговора подчеркивали, что «мир всегда предпочтительнее войны» (сириец — л. 18об.), османское государство «не должно отказываться от справедливого мира, и надо принять дружеское посредничество цесаря с большой благодарностью» (египтянин — л. 19об.), «мир — это хорошая и нужная вещь. Народ будет доволен» (Порта — л. 20об.). В то же время, особенно в высказываниях Египта, проскальзывали и характерные для предшествующего периода воинственные нотки: «Османское государство готово к войне и, естественно, тянется к ней» (л. 19об.), «мусульманские государства всегда побеждают», «разве не так кончались все походы, предпринимаемые против немцев, и разве это легенда, что немецкие цесари платили... деньги в казну нашего государства иногда под названием

джизье, а иногда в виде подарков» (л. 24об.). Однако общий вывод из всех рассуждений: «Умный человек без причины не выберет пути войны» (л. 26).

Участники беседы показали хорошее знание внутренних и международных проблем Священной Римской империи. Упоминаются события, связанные с поддержкой притязаний саксонского курфюрста Августа III на польский престол, война с Францией за польское наследство (л. 23), прагматическая санкция Карла VI и перспективы наследования австрийского престола (лл. 23, 26об., 29), разбираются вопросы родства царствующих домов Австрии и России (лл. 16—16об.), возможности привлечения недовольного австрийской властью населения Священной Римской империи на сторону османцев (л. 29об.).

Австрийский цесарь, по мнению османских деятелей, является в настоящее время «между христианами самым крупным государем» (л. 22об.), «его слова имеют вес для других владык» (л. 19). Поэтому, как считала Порта, стремление к миру австрийского императора вселяло надежду на успех переговоров с Россией (л. 21). Однако было известно, что Австрия проводила мобилизацию армии, и это, естественно, тревожило османских деятелей. Из других источников явствует, что французский посол в Османской империи маркиз де Вильнёв неоднократно общал турецкому правительству о военных приготовлениях австрийцев, но Осман Халиса расценил эти сообщения как желание Франции вовлечь Османскую империю в антиавстрийскую борьбу за польское наследство. Подобные намерения у французской дипломатии, разумеется, были. В нашем документе участники обсуждения пришли к выводу, совпадающему с мнением Османа Халисы, а именно: цесарь хочет мира с Турцией, подготовка же армии есть не что иное, как военная демонстрация; цель которой — устроить Османскую империю и насильственно принудить ее к миру с Россией (лл. 26об.—27об.). Войну же «из возможности превратить в действительность он [цесарь] не сочтет нужным» (л. 27), поскольку успех в войне для австрийцев весьма проблематичен (л. 27об.). В этих условиях военным приготовлениям Австрии не было придано большого значения. Как образно выразился представитель Египта, «пусть делает он [цесарь] что хочет, поет газели или кричит по-турецки, лишь бы он выбрал путь мира между двумя государствами» (л. 27—27об.).

Итак, надежды на скорый мир представлялись собеседникам вполне реальными. Жизнь же показала, что дело обстояло совсем не так. Османские правительственные деятели явно преувеличивали заинтересованность европейских держав в поддержке Турции. Например, в дебатах придавалось чрезвычайно большое значение нейтралитету Османской империи в войне за поль-

ское наследство, прервать который Порту склоняла Франция (л. 34—34об.).

Любопытно, что участники дебатов сознавали и подчеркивали, что Османская империя «находится в стороне от изменений, которые происходят в Европе» (л. 34об.). Отмечались очень небольшие доходы империи в сравнении с другими государствами мира (л. 35). Главным источником богатства страны участники дебатов считали транзитную торговлю. Представитель Сирии называл Османскую империю главной дорогой мира, соединяющей Восток и Запад, и красочно сравнивал ее с большим деревом, простиравшим свои ветви над всем миром. Однако, как отмечает он далее, обычай жизни таков, что тот, кто отдыхает и получает удовольствие под этим деревом, уходя, бросает в него камень, и с этим ничего нельзя поделать. Если бы все было правильно, то тогда не нужны были бы беспристрастные суды (махкеме-и инсаф), в которых сириец и египтянин устраивали бы дебаты, и не было бы нужды возражать против положений, выдвигаемых Портой (л. 35).

Значительное место в сочинении уделено отношениям Османской империи и России. Интересно, что договором, определявшим отношения этих двух стран, даже в 1736—1737 гг. признавался Прутский договор 1711 г., о котором собеседники неоднократно упоминали (л. 13об., 14 и др.). Это, как нам представляется, еще раз подтверждает уже высказанную нами точку зрения¹⁸, что именно Прутский договор отвечал действительным интересам Турции и мог служить основой для последующего развития мирных отношений двух соседних государств. Турецкие претензии последующего периода (1712—1713) были не действительными претензиями к России, а лишь военными демонстрациями, свидетельствующими об участии Османской империи в далеких от ее подлинных интересов планах франко-шведско-польской дипломатии.

Интересно свидетельство Сирии, что значительная вина за напряженность на русско-турецких границах последних 40 лет лежит на крымских татарах (л. 42об.). Египет в том же обвинял казаков и калмыков (л. 43). После детального разбора конфликтов последних 20 лет даже Порты, несмотря на первоначальную непримиримость в этом вопросе, вынуждена была в конце концов отказаться от одностороннего обвинения России и признать виновными обе стороны (л. 60об.).

Итак, перед нами турецкий документ первой половины XVIII в., в котором обсуждались проблемы внешней политики Османской империи в сложный для нее период международной ситуации. Необходимо было выяснить вопрос о том, останется ли Австрия нейтральной в войне России с Турцией и отвечает ли целям Османской империи австрийское посредничество в при-

мирении двух государств. Обсуждение привело турецких государственных деятелей к положительным ответам на эти вопросы, но оказалось, что это не отвечало действительному положению дел и осведомленность участников обсуждения в европейских международных отношениях была недостаточной.

Большой интерес вызывает то обстоятельство, что при обсуждении международных вопросов в качестве консультанта по европейским делам привлекался представитель христианской Сирии, поскольку, как говорил представитель Порты, он «хорошо знает качества христианских государей, души христианских народов, понимает сущность отношений немецкого и московского царей, а также в курсе последних событий, [происходивших] между Москвой и османцами» (л. 18). В противоположность сирийцу египтянин выступил как знаток мусульманского права и традиций. Самому же османскому правительству отводилась роль арбитра, сопоставлявшего точки зрения (лл. 18об., 31об.) и улаживавшего скандальные конфликты между собеседниками (л. 19). Такое обсуждение, по мнению участников, позволяло османскому правительству (Баб-и Али) «двумя глазами посмотреть на дело» (л. 31об.).

Вышеизложенный подход к решению международных проблем свидетельствует об определенных сдвигах в политических воззрениях и социальной психологии османских государственных деятелей, что было вызвано новыми проблемами, вставшими перед страной, и новым положением Османской империи в системе тогдашних международных отношений.

По форме подачи материала можно отметить нечто общее между разбираемым нами сочинением и известным в литературе документом 1718 г., поданным султану Ахмеду III и представляющим собой разговор между мусульманином и христианином о причинах военных неудач Османской империи¹⁹. Документ 1718 г. считается первым проектом реформ в османском государстве, положившим начало периоду так называемой вестернизации или модернизации²⁰. Сходство по форме между этими двумя сочинениями очевидно, но в то же время, по нашему мнению, между ними есть и принципиальная разница. Проект 1718 г. имеет явный отпечаток влияния европейской дипломатии. В разбираемом документе сугубо деловой стиль обсуждения и острота споров по принципиальным вопросам позволяют предположить, что мы наблюдаем здесь настроения гущихся правящих кругов и их собственные попытки разобраться в ситуации. В этом смысле показательным и привлечение представителя Сирии как консультанта и знатока христианских обычаев.

В рукописи сочинения не указаны имена участников совещания и их официальные должности. Какие-либо упоминания об

этом или других подобных совещаниях в османских правительственных кругах нам пока тоже не встречались. Потому мы оставляем открытым вопрос, является ли разбираемое сочинение действительным отчетом о состоявшихся дебатах либо литературным памфлетом на тему внешней политики своего времени. Подобные литературные произведения были, как известно, весьма распространены в то время. Бесспорно, однако, что обсуждаемые вопросы действительно стояли перед турецкими правящими кругами в 1736—1737 гг., а победившая в результате обсуждения точка зрения отражала существовавшие среди турецких государственных деятелей взгляды, которые и были воплощены в политике Порты в этот период. Кстати, и сочинение кончается фразой, что участники совещания передадут мнение, сложившееся в результате обсуждения, султанскому дивану (л. 66).

Содержание сочинения позволяет предположить, что мы имеем дело с подлинным документом того времени, поскольку позднее ошибки турецких правящих кругов в оценке международных событий была бы очевидной и распространение сведений о ней в изложенной выше форме было бы маловероятным.

Выявление подобных документов нам представляется полезным, поскольку они позволяют почувствовать дух времени, изменения в политической практике и настроениях турецких государственных деятелей, что знаменовало проникновение в страну веяний, характерных для нового периода истории. Внешняя политика — это та область, где эти новые веяния и явления начинают появляться прежде всего. При выработке внешнеполитического курса османская государственная машина вынуждена была раньше, чем в других сферах жизни, приобщаться к европейской практике нового времени.

Разбираемый нами документ представляет собой одну из ранних попыток такого рода. Он свидетельствует о недостаточной информированности Порты в европейских делах, явном преувеличении ею роли Османской империи в европейской политике и заинтересованности европейских держав в османской поддержке. Именно поэтому практическое воплощение в жизнь рекомендаций, выработанных в описанных выше дебатах, привело страну к внешнеполитической неудаче.

¹ Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22, с. 17.

² К. Маркс. Хронологические выписки.— Архив Маркса—Энгельса. Т. 4, 1939, с. 189.

³ E. L. Karal. Osmanlı tarihi. Cilt 5. Ankara, 1961, с. 55.

⁴ Е. И. Маштакова. Сефаретнаме как жанровая форма турецкой литературы.— Тюркологический сборник, 1973. М., 1975, с. 214—222.

⁵ См.: F. R. U n a t. Osmanlı sefirleri ve sefaretnameleri. Ankara, 1968.

⁶ См.: Е. Куган. *Avrupa'da Osmanlı İkamet Elçiliklerinin Kuruluşu*. Ankara, 1968.

⁷ См.: А. В. Витол. Из истории турецко-французских связей (посольство Иермисекиза Челеби Мехмед-эфенди во Францию в 1720—1721).— «Народы Азии и Африки». 1976, № 4, с. 00.

⁸ E. Z. Kağal. *Osmanlı tarihi*. Cilt 5, с. 56.

⁹ В. Д. Королюк. Турецкая феодальная агрессия в страны Юго-Восточной и Центральной Европы и формирование многонациональной Дунайской монархии (XVI—XVII вв.).— Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 146.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Британская политика.— Дизраэли.— Эмигранты.— Мадзини в Лондоне.— Турция.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9, с. 3—4.

¹¹ Описание тюркских рукописей Института народов Азии. Т. I. История. М., 1965, с. 190—191.

¹² Там же, с. 190.

¹³ Там же, с. 191.

¹⁴ I. H. Uzunçarşılı. *Osmanlı tarihi*. Cilt 4. Kısım 1. Ankara, 1956, с. 256.

¹⁵ Там же, с. 256.

¹⁶ Там же, с. 256—258.

¹⁷ Запись статейного списка от 13 января 1708 г.— ЦГАДА, ф. 89, 1708 г., д. 2, л. 38; см. также: Т. К. Крылова. Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700—1709).— Исторические записки. Т. 65. М., 1959, с. 266.

¹⁸ С. Ф. Орешкова. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971, с. 136, 138.

¹⁹ F. R. U n a t. Ahmed III devrinde ait bir islahat takriri.— *Tarih vesikalatı*. Cilt 1. Sayı 2. Ankara, 1941, с. 107—121.

²⁰ T. L. T u n a y a. Türkiyenin siyasi hayatında batılasmı hareketleri. Istanbul, 1960, с. 20; N. Berkes. *The Development of Secularism in Turkey*. Montreal, 1964, с. 30.